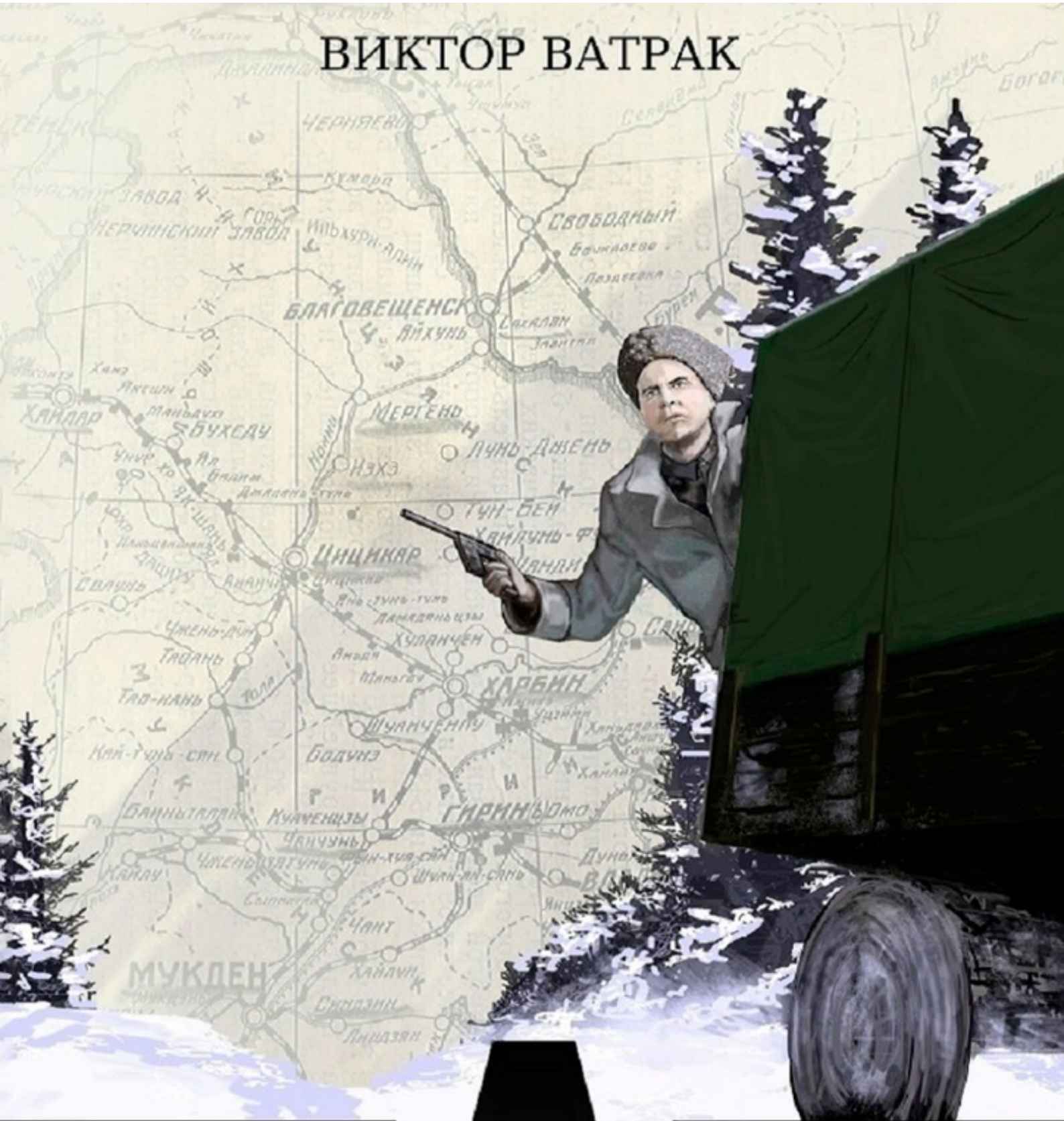

ВИКТОР ВАТРАК

ПУТИ ГОСПОДНИ

Виктор Ватрак
Пути Господни

«Издательские решения»

Ватрак В.

Пути Господни / В. Ватрак — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930071-3

Иван родился и до совершеннолетия жил в Харбине (Китай). Валентина в 18 лет попала на свою первую войну, в Зимнюю финскую кампанию. Каждый из них шел к встрече длинным извилистым путем. Были в их жизни потери, расставания и предательство со стороны близких людей, но они не потеряли себя. Вера в добро, в хороших людей, оказалась сильна. Они встретились, но пути их были непредсказуемы, потому что маршрут прокладывал сам Господь.

ISBN 978-5-44-930071-3

© Ватрак В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Несчастливый 1924 год	8
Воспоминания Мартына	12
Отец и сын	20
Баварец	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Пути Господни

Виктор Ватрак

Моим родителям посвящаю

Иллюстратор Максим Николаевич Васи́лин

© Виктор Ватрак, 2018

© Максим Николаевич Васи́лин, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-0071-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

В зале заседаний кабинета министров Российской империи стояла напряженная тишина: ждали появления императора Николая II. Трехчасовые дебаты по вопросу завершения строительства Транссибирской магистрали зашли в тупик. Большинство присутствующих являлись сторонниками прокладки железной дороги от Читы на восток вдоль Амура. И все бы ничего, но министр финансов граф Витте, «возмутитель спокойствия», как через 10 лет пренебрежительно отозвался о нем император Николай Александрович, выдвинул совершенно неожиданную идею: протянуть магистраль Транссиба через Маньчжурию, контролируемую Китаем.

Мировая история еще не знала такой практики: арендовать у чужого государства полосу земли и строить на ней железную дорогу. Причем на всем протяжении дороги действуют только законы Российской империи, а юрисдикция Китая вступает в силу только за пределами арендованной полосы, так называемой полосы отчуждения. Это было не совсем понятно. И как все непонятное – это было страшно.

Наконец, в зал заседаний Кабинета министров вошел невысокий, плотного телосложения человек в темном мундире с золотистой португеей и таким же поясом, аксельбантом на правом плече и саблей на левом боку. Коротко стриженные волосы, довольно большие ухоженные усы и округлая рыжеватая бородка дополняли портрет. Спокойные серо-зеленые глаза отличались какой-то особой непроницаемостью, отделявшей его от собеседника. Это был Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский, двадцативосьмилетний император Николай II.

Получивший 2 высших образования: военное и юридическое, владеющий пятью языками, Николай Александрович вот уже пятый год являлся председателем комитета по постройке Транссибирской железной дороги. Обе спорящие стороны справедливо рассчитывали на поддержку императором именно своей концепции развития Транссиба. Император же поразил всех присутствующих.

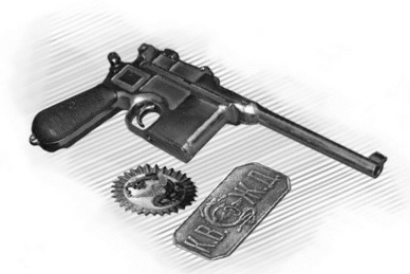
– Господа, – после этих слов Николай II открыл стоявшую на столе инкрустированную коробку черного дерева, достал папиросу и прикурил. По комнате тут же разошелся аромат турецкого табака. – предложение графа Витте меня заинтересовало. Я согласен с тем, что мы сокращаем время в пути до Владивостока, практически получаем в свои владения Северную Маньчжурию, получаем выход к незамерзающим портам на дальнем Востоке. Я согласен с его экономическими выкладками, и поручаю министру финансов открыть финансирование строительства маньчжурской части дороги. Также поручаю Сергею Юльевичу – он доброжелательно кивнул Витте, – организацию проектно-изыскательских и строительных работ в кратчайшие сроки. Выделяю три миллиона рублей для стимулирования китайских чиновников на решение вопросов по выделению земли под строительство. Однако, я разделяю опасения Сергея Михайловича – император кивнул головой в сторону генерал-губернатора Приамурского края С.М.Духовского, – что на чужой территории могут возникнуть непредвиденные осложнения политического характера. Поэтому финансирование первоначального варианта не закрываю. Продолжаем строить как строили железную дорогу вдоль Амура.

16 августа 1897 года стало днем начала строительства Китайской Восточной железной дороги, более известной, как КВЖД. А менее, чем через год русские люди прибыли в жалкое селение на берегу реки Сунгари. Очень быстро они возвели здесь банки, каменные дома, отели, телеграф и школы, церкви и больницы, замостили дороги и дали селению название: город Харбин. Задуманный, как крупный железнодорожный узел со всей полагающейся инфраструктурой, Харбин превратился в центр русского влияния в Северо-Восточном Китае. Своей архитектурой он напоминал Хабаровск, а по укладу жизни стал крупным провинциальным сибирским городом, таким же степенным, основательным. Невиданно большие заработки и социальные

гарантии привлекали сюда рабочий люд, а приехавшие понимали, что связали себя с Харбиным¹ надолго. И был это чисто русский город в центре Северной Маньчжурии.

¹ Харбинцы при склонении названия городов Харбин и Пекин ставят ударение на последний слог.

Несчастливый 1924 год

Первое января 1924 года пришлось на вторник и было на КВЖД рабочим днем. И хотя советская власть еще в 19-ом году отменила празднование Рождества и Нового года, а наряженную елку объявила «поповским обычаем», православный народ плевал на подобные указы и активно праздновал.

В доме Мартына вчера к вечеру поставили разлапистую елку ростом под потолок, украсили орехами, фруктами, яйцами, конфетами и печеньем. Под нее разместили подарки друг для друга, а повару-китайцу подарили красивую поварскую куртку.

Стол ломился от закусок: лидировала семга, из которой было приготовлено три блюда; в широких вазочках стояла лососевая икра, а на плоских тарелках лежали нарезанными 4 вида сыров. Из погребов доставались окорока и колбасы. Дополняли меню салаты из редьки, из свеклы. Квашеная капуста, соленые огурцы и грузди с рыжиками тоже присутствовали. Но вершиной новогоднего стола по традиции был запечённый до хрустящей корочки молочный поросенок, фаршированный гречневой кашей. Поесть все это было немыслимо, но такова была традиция и отступить никто не собирался. Пили коньяк от Шустова и итальянский вермут Мартини.

К трапезе приступили за полчаса до полуночи и гуляли до четырех утра. Ходили в гости к однокурсникам Мартына по Харбинскому политеху, в котором он отучился сразу после оставления службы, встречали их у себя, водили хороводы во дворе дома, пускали фейерверки. Было весело и радостно, верилось в лучшее, но судьба приготовила иное окончание наступающего дня.

Около 11 часов первого рабочего дня нового года старший механик механических мастерских Харбинской дистанции пути Фокин Мартын, взяв в грузчики слесаря Кирилла, отправился на крытом грузовичке в Суйхуа за запчастями. Мартын посчитал, что путь в 110 км они проедут за пару-тройку часов и, погрузившись за час, к вечеру вернутся домой. Голова побаливала, и он захватил с собой коньячка для себя и еды на всех.

На складах в Суйхуа задержек не было и уже полвторого они тронулись в обратный путь. Не обошлось и без проблем: Кирилл довольно сильно придавил локоть и влезть в кузов ему было трудно. Мартын уступил свое место рядом с водителем слесарю и устроился между железками, хлебнул из горлышка коньяка и поплотнее завернувшись в тулуп, начал дремать.

Очнулся он от треска стрельбы и удара пуль в правый борт обшитого железом кузова. «Хунхузы, растудыть твою в качель. Но без винтовок, пули борт не пробивают. Слева, со стороны водителя, стрельбы нет. Даст Бог, прорвемся, если они не конные. Эх, была, не была, погнажи в ответную!!!» – Мартын достал из кобуры маузер и высунулся по пояс из кузова,

чтобы определить цели. Это было очень опрометчиво с его стороны, потому что грудь моментально пронзила боль и глаза непроизвольно закрылись.

Открыл глаза Мартын от того, что во рту все пересохло. Язык напоминал наждак и царапал небо. Мартын напрягся, чтобы встать, но тело охватила боль, голова закружилась и, покрывшись потом, он откинулся на подушку: «Что-то не так. Так быть не должно». Мартын начал осматриваться. Пошевелил ногами – шевелятся. На месте были руки и голова. А вот грудь была перемотана широким бинтом, сквозь который проступало коричневое пятно засохшей крови. Мартын перенес осмотр с себя на помещение. Кровать незнакомая. Рядом пустая тумбочка. Слева стена, а справа через проход еще две кровати. На соседней лежал небритый мужик и глазел на Мартына. «Больница» – понял Мартын.

– Смотри, очнулся. – произнес мужик и закричал – Доктор! Раненый очнулся!

– Что со мной?

– Подстрелили тебя хунхузы на хрен. Дружка твоего, что в кабине сидел, насмерть, а водиле вот хоть бы что. Примчал тебя прям до больнички.

Мартын вспомнил кузов грузовика и выстрелы:

– Растудыть твою в качель. И давно я здесь?

– Под вечер привезли. Вот почитай ночь, потом день и еще ночь, а сейчас дело к обеду подходит.

– Был у меня кто из родни?

– Да знают о тебе, батенька, знают. – Это сказал вошедший в палату доктор. – И с работы приходили, и родственники были. Жена со своей сестрой по очереди дежурят.

– А сейчас чья очередь?

– Сестры. Жена ночь просидела. Не волнуйся, пошла поесть, сейчас зайвится. Ну, задавай вопросы.

– Что со мной?

– Сквозное пулевое в грудь. Пробито легкое и перебито ребро. Не смертельно, батенька.

– Да какой же я батенька? Мне 31 всего.

– А голова лысая и на ноги встать не можешь. Так что, батенька, лежи и не протестуй. А то еще и дедом назову.

Мартын лежал и покорно принимал прописанные процедуры, но через пару дней, придремав, он ощутил страх. И не просто страх, а животный ужас. Он видел себя в яме, а вокруг суетились крысы. Они ползали по его ногам, по животу, они прицеливались к нему в предвкушении пира. Мартын стряхивал их, хватал руками и швырял об стену, но крыс было много. Вот еще чуть-чуть, и они начнут откусывать от него по кусочку. Мартын заорал во всю глотку.

Вокруг его койки началась суматоха. В мышцу, что пониже спины, вкололи иглу, Мартын почувствовал безразличие. Все что-то говорили, успокаивали, но Мартын ничто не воспринимал.

Постепенно мозг начал опять думать. «Да что это я. Все кончилось уже много лет назад. Ну, боялся я хунхузов, так ведь страхи ушли. Или они затаились? Нет, я не испугался, когда началась стрельба. Я сегодня просто вспомнил давний страх. Все прошло и больше не вернется» – убеждал он себя.

Сосед по койке, увидев, что Мартын успокоился и лежит с открытыми глазами, спросил:

– Что случилось-то, батенька?

– Какой я тебе к черту батенька, – взорвался раненый – Мартын я – и сбавив полтона, представился – Мартын Фокин.

– Ну, другое дело, а я Тимофей. Так что тебе примерекалось-то?

– Понимаешь, в тринадцатом я начал служить в пограничной страже. Нормальная служба, но довелось мне увидеть мертвяков, которых до смерти запытали хунхузы. Потом еще раз, потом еще. – Мартын сглотнул слюну, передернулся – Рассказывать не буду, что это за зрелище, но стало мне очень страшно. Я боялся выходить на дежурство, боялся оставаться один, боялся выпустить из рук винтовку, если был не в казарме. И н-и-ч-е-г-о не мог с этим поделаться. Командир роты помог, царствие ему небесное. А тут меня вновь ужас охватил. – Мартын замолк.

Несколько минут полежали молча. Затем раздался голос с третьей кровати:

– А я Костя. Расскажи, как избавился. Я вот чекистов боюсь. Круто пытаются. Побывал у них, но Бог миловал, обошелся побоями. А вот сокамерников такими приволакивали с допросов, что смотреть на них больно было. С тех пор и боюсь.

– Это ты напрасно. Бояться надо японскую жандармерию, вот это настоящие звери. Пытают до смерти, как хунхузы. А советские гепеушники – это нормальные люди. Есть среди них придурки: в семье не без уroda. С одним таким я встречался. – Мартын скривился от воспоминания о встрече – Но в целом о них пишут только хорошее.

– Бог не выдаст – свинья не съест, но держись от них подальше, на хрен. Ты, все-таки, расскажи, как тебя вылечили – поддержал соседа Тимофей.

– Ладно. – Мартын помолчал минуту, собираясь с мыслями – Прапорщик, командир роты, замечательный был мужик. Кстати, и двое следующих после него были такими-же. Они и из нас старались делать людей. Много занимались с нами.

– Ты ближе к теме – перебил Костя

Мартын снова замолк, потом продолжил:

«Я тебе не писатель, чтобы вот так все по порядку рассказать. Как вспоминается, так и говорю. Ладно, заметил значит, Иван Максимович мое состояние и предложил сходить к тунгусам. Там у них был настоящий шаман: я на себе испытал его силу. Слов, которыми он лечил меня, не помню. Я помню то, что после его слов осталось во мне. Поэтому расскажу, как могу.

Тунгус расспрашивал меня обо всем. Я отвечал. В том числе рассказал, что не боюсь смерти, а у меня страх только перед пытками. Он объяснил, что просто так, без причины, боль другому человеку причиняют душевно больные люди. Хунхузы же – это бандиты. А бандитам одно нужно узнать: где драгоценности. Или им надо запугать кого, чтобы получить выкуп за похищенного. А мне, говорит, пытки не грозят. Отрубят голову или застрелят на хрен, так им проще.

Он часа два объяснял мне, я вам коротенько передал. Страхи пыток прошли полностью. А вот страх смерти после беседы с ним появился. Но между этими двумя страхами огромная разница. Страх смерти никогда не доводил меня до ужаса. Скажем, я больше опасаюсь ее, чем боюсь. Он крепко вбил в меня мысль: бесстрашные погибают первыми. Смерти можно избежать, если помнишь о ней и не лезешь на рожон. Я вот забыл об этом и как первогодок высунулся навстречу пуле. Интересно было посмотреть: а откуда стреляют?»

Соседи по палате оживились:

– Посмотрел? – это Костя

– Не, не успел

– А я боюсь смерти – это Тимофей – Пугает меня костлявая. Я вот, чуть болячка выско-чит, уже с душой прощаюсь.

– Я читал недавно об одном мужике в России, – это опять Костя – так он однажды так смерти испугался, что чуть с ума не сошел. Тогда он взял и сколотил себе гроб, поставил его в сенях и несколько лет уже ходит мимо него, не замечает. Привык к смерти.

– Мартын, а как ты вообще-то попал в Харбин? – заинтересовался Тимофей.

– По жребью. – Мужики засмеялись. – Да чего ржете? В России, каждую осень собирают в управу парней, кому 20 исполнилось, и одну треть отправляют служить в армию. А треть эта определяется по жребью, вот я и вытянул свой номер.

Мартын замолк, вспомнилось:

Собралось молодых парней около 30 человек. Когда часы на стене призывного пункта пробили 9 раз, в комнату вошел тучный чел. в военной форме, с погонами штабс-капитана и явно крестьянским происхождением: «Мать вашу еть, слушать меня! – прервал он своим низким прокуренным голосом стоявший в помещении гул – Сегодня призываем в армию. Служить поедет кажный третий. А хто конкретно, узнаем прямо сейчас из жеребья. Подходить по одному и вынимать жеребий из этой шапки.»

Мартын подошел восьмым, перекрестился, вынул бумажку и развернул. В голове загу-дела кровь, ногам стало холодно: на бумажке было написано слово «служить». Правда, ни слова Харбин, ни слов Дальний Восток там не было, но, воистину пути Господни неисповедимы.

– Вот так, братцы, и вытащил я себе судьбу, но не жалею. Мне Харбин теперь родным стал. Я вернусь в Россию, но попозже, пока не знаю, когда. А теперь давайте поспим, мужики, устал я что-то. – Мартын отвернулся к стенке и закрыл глаза

Воспоминания Мартына

А ночью приснилась весна 14-го года

Раннее утро, еще сумерки. Вдоль товарного состава медленным шагом проезжают б всадников. Серые кавалерийские шинели, надвинутые на глаза капюшоны, из-под которых торчат козырьки фуражек. Пятеро на гнедых конях и над плечом у каждого матово поблескивает ствол карабина. Под шестым, замыкающим строй, конь белый и наган в кобуре.

Шла разгрузка состава и платформа была полна людей. Среди грузчиков мелькала охрана – казаки с винтовками. Люди перекрикивались между собой, мельтешили туда-сюда, шла привычная станционная жизнь. Вдоль путей тут и там жгли костры, к которым люди подходили погреться.

Мартын возвращается от начальника состава, где они проверили таможенные документы, и потихоньку мурлычет до смерти надоевший, но не желающий покидать мозг, мотив. Напарник идет чуть впереди него.

«Стой! Кто такие?» – Мартын вздрогнул, думая, что окрикнули его.

– Разведка, возвращаемся. – с явным азиатским акцентом прозвучал ответ

– Проезжайте!

Мимо Мартына проехали конники, а в его груди заверещал сигнал тревоги. Что-то было не так. Что-то заставляло насторожиться:

«Кони, сбруя, форма, оружие – обычный отряд драгунов. И все же... Что-то не то, не то. А все-таки, что именно мне не нравится в них?»

Акцент! Своеобразный акцент, но среди драгун есть и буряты, и татары с нерусским говором. Что же мне не понравилось? Думай, голова, думай.

А вот у казаков такого акцента точно не встретишь. А почему я решил, что среди казаков? Форма драгунская, повадки драгунские, только вот карабины надеты через правое плечо, как носят казаки. У драгунов же карабин через левое.

Вот она, нестыковка! Федя! – закричал Мартын, сдергивая с плеча карабин – Чужие! Стоять! – это уже к конникам – предъявить документы!»

Всадники ударили коней шпорами и с места взяли в карьер. «Не уйдешь!» – Мартын с первого выстрела подстрелил белую лошадь, и всадник закувыркался через голову. Вторую лошадь уложил Федор. Казаки, народ опытный, обученный сначала стрелять, а потом уже выяснять кто прав, открыли по удаляющимся всадникам беспорядочную стрельбу. «Ну, вы даете, ребята. – уважительно покачал головой Мартын – четыре трупа и ни одна пуля не попала в коней. А казалось, что вообще не целитесь»

Воспоминания теплом разлились по груди. Тем более, что последствия были неплохие. Этих двоих живых командованию вполне хватило. Оказалось, что японцы уже в четвертый раз под видом конного разезда выезжают на разведку и три раза успешно возвращались с ценными сведениями. А Мартын через неделю получил лычку ефрейтора. Это было приятное воспоминание.

Все шло своим чередом, ефрейтор Фокин набирался опыта, но Первая мировая война перевернула службу стражников с ног на голову. Фронту не хватало войск, поэтому к боевым действиям привлекли пограничную стражу со всей России. В том числе и Заамурскую.

На месте оставили лишь незначительную часть, которая явно не справлялась со своими задачами. Мартын попал в число оставшихся в Китае.

Слабая стража активизирует контрабанду. Торговцы перли со всех сторон, часто применяли оружие. Он не боялся китайцев, потому что у них была любопытная манера стрельбы: создавалось впечатление, что они просто решили попугать. Стреляли много, но прицеливаться толи забывали, толи их не учили это делать. Если в кого-то и попадали, то стражники это расценивали как несчастный случай.

С хунхузами все было иначе. Доведенные до отчаяния голодом и безысходностью, хунхузы, сбивались в стаи и занимались грабежом. Они не имели семей, других родственных связей, их невозможно было вычислить или уничтожить, потому что организации хунхузов не существовало. Это были бандиты, собиравшиеся в группы численностью от 5 до 500 (в центральной части Китая) человек. Они не контактировали друг с другом, поэтому на один и тот же поезд могли напасть несколько групп с интервалом в 5—6 часов. Они были интернациональны. Китайцы, корейцы, маньчжуры и даже русские: ну как же разбойникам без них. Пограничная стража несла людские потери от стычек с хунхузами. И боялся их Мартын до умопомрачения. Они и посетили его в следующем сне.

В одну из январских ночей 15-го года довелось ему с напарником стоять в охранении здания, куда сложили конфискат. «Стоять в охранении» – так говорилось по Уставу. В натуре они сидели в незастеклённой будке с обзором на три стороны. Над барьером, защищающим от ветра, торчали только головы. Овчинные тулупы, завязанные под подбородком меховые шапки, валенки на ногах и рукавицы с одним пальцем на руках – одежда малоприспособленная для боя. Но их задача была поднять шум, а там и стража прибежит.

Вдруг раздался выстрел, и напарник упал. Мартын тут же выстрелил в ответ и получил обратно целый веер пуль. По прикидке их было не менее десятка. Напарник молчал и, оглянувшись, Мартын похолодел: над правой бровью только что живого человека чернела дырка, а под головой на полу натекла лужа крови. Мартын остался один. «Екарный бабай! Все, отворачивайся!» – а лекарство от смерти было одно: стрелять, стрелять и стрелять. Мартын выпустил 25 пуль, пока не прибежала вооруженная стража. Бандиты отступили, успев подпалить склад строительного леса. Ночь помогла им раствориться, ни одного не нашли.

В 1916 году был убит хунхузами унтер-офицер Шапочников. Тела его так никогда и не нашли, а вот голова была подброшена в мешке на территорию охранного отделения. Во время похорон того, что осталось от Шапошникова, прапорщик Михайлов подошел к гробику, посмотрел и вдумчиво произнес: «Да, одна голова хорошо, а с туловищем лучше». Фокин Мартын по квалификации уже мог принять под команду отделение, поэтому производство в следующий чин и вступление в должность прошли спокойно.

Видения продолжались.

Первым в голове всплыл подслушанный 1 марта 1920 года разговор. В тот день отмечали двадцатилетие Евдокии. Посидев недолго с родственниками за столом, Мартын почувствовал усталость и отправился спать. Проснулся он от постороннего шума, будто по железу чем-то шваркают, и услышал голос жены:

– Тихо, курица. Муж после дежурства спит.

– Прости, Дунюшка, продолжай. – ответила подруга эжены.

– Так вот я и говорю. Входит папаня и с порога объявляет: смотри, какого эженеха я тебе привел.

– Пряма так и сказал – эженеха? – перебивает ее эженский голос – Сколько ж тебе годов-то было?

– Так аккурат за месяц до дня рождения. 18 мне в том году исполнилось. Не перебивай. На кухне звякала посуда. Судя по всему, родственники ушли, появилась новая гостья и шло чаепитие. Жена вновь заговорила:

– Я глянула... и обмерла. Высота под потолок, косая сажень в плечах, китель в обтяжку, сапоги сверкают, на плечах погоны желтые и с широкой полосой на них, на левом боку огромная сабля, а на правом наган на веревочке.

– Это как, на веревочке?

– Опять перебиваешь! Ну, шнурок такой, одним концом к шее привязан, а другим к нагану, чтоб не потерял. Фуражку снял, а на лысине окно отразилось, и она тоже сверкает. Я смотрю, а папа маме кричит, чтобы накрывала на стол, он гостя привел. Знакомца, кричит, встретил и не узнал, а он меня вмиг определил. Мартын это, механик из Отрожского депо. А я все глаз от парня оторвать не могу. Запал он мне в душу.

– И долго эженехались?

– Да в мае свадьбу справили, а через 9 месяцев, как положено, я Ванюшку-то и родила. Аккурат на Сретенье Господне.

– Сретенье второго, а ты родила третьего

– Много ты знаешь. Мы днем праздник отгуляли, а как полночь наступила, тут меня и прихватило рожать.

С Дуни Мартын переключился на ее отца Трофима Васильевича, мастера-путейца железнодорожной станции Отрожка. Вспомнилось родное депо, Юрка и Вовка с дурацкой кличкой Сэм. От них память привела в детство: босоногие пацаны гоняют на заливной луг гусей. Туда, где небольшая, пятиметровой ширины Инютинка соединяется с более крупной рекой Воронеж. Все помнится так, будто происходило вчера. Утром ломоть хлеба, пол-литровая кружка молока – обычный летний завтрак – и на речку. Через 2 дома от своего Мартын обычно тормозил, коротко свистел, и за калитку выходил Витек, выгоняющий длинной хворостинной пяток гусей. Чуть подальше к ним присоединялась Тонька с девятью гусями, потом Юрка с Вовкой без гусей. До луга доходила компания из двенадцати человек, и хотя только половина из них была с гусями, но хворостинка была у каждого и всем разрешалось управлять птицами. Огромный луг был довольно густо заселен этими белыми и серыми красавцами, но там были свои гусеводы, со своими развлекалками.

И это была Россия, это была Родина.

За день до выписки приснилось лето 1920 года.

Пограничная стража содержалась за счет средств КВЖД, но вот уже более полугода деньги от дороги не поступали. В России кипела гражданская война, ждали каких-то перемен и в Харбине.

А утром на построении перед ротой выступает прапорщик Гусев:

– Братицы, не удивляйтесь такому обращению, но с сегодняшнего дня я не командир вам. Наш отдельный корпус пограничной стражи ликвидирован. В России корпус пограничников был расформирован еще в семнадцатом году, границы, как это ни странно, ликвидировали. Мы же продержались 2 с лишним года. Насчет выходного пособия ничего не скажу тем более, что нас для КВЖД уже несколько месяцев не существует. Газеты пишут много плохого о нас, одни считают, что таможенную службу не надо содержать, мы способны сами добывать пропитание. Другие считают, что все люди братья и границы ни к чему. Они пишут, а власти молчат.

Мне трудно говорить, братицы. Видит Бог, я, а вместе со мной и вы, честно несли охрану границы. Мы задержали сотни контрабандистов, которые пытались везти в страну товар без уплаты пошлины. Мы помогли стране дополнительно получить миллионы золотых рублей. Мы не давали хода наркотикам и оружию. Не выпускали из страны продовольственные товары. Новая страна не оценила это.

Было видно, что прапорщик изо всех сил старается, чтобы дрожащий голос не выдал его слабости. Фразы были короткими, с интервалами между ними.

Братицы! Предки мои, начиная с прадеда, служили Царю и Отечеству. Я тоже человек служивый, тоже давал присягу. Также Царю и Отечеству. Царя больше нет, но Отечество-то осталось. И не важно под чьим оно управлением. В России живут русские люди, и в конечном счете я служу им.

Мы, группа офицеров, не потерявших совесть, решили сохранить хоть что-то от пограничной стражи. Мы продолжим охрану границы от контрабанды. Придет пора и власть поймет, что границы страны необходимо защищать. Если кто нас поддержит, тому в ноги поклонюсь. Но на большее не рассчитывайте. Я закончил. Вопросы?

– Когда поддерживать-то?

– Ночь подумайте, вторую подумайте, а на третий день жду в казарме.

– Что с оружием-то делать, если не придумаю остаться? – раздался одинокий голос

– Не знаю, что делать! Вон войска самораспускаются и никого про оружие не спрашивают. Оставьте себе, будет чем от хунхузов отбиваться. Кстати, тем, кто купил самостоятельно карабины и пистолеты, рекомендую с документами зайти к властям и подтвердить регистрацию.

– А домой когда? – загалдела рота

– Братицы, там сейчас война. Брат на брата идет, сосед на соседа. Оно вам надо? Отси-дитесь здесь, а там видно будет.

Мартын вздохнул так, будто этот разговор произошел только что. Всплыло и наболевшее :

Мартын подошел к командиру роты и сказал, что он готов служить дальше. А прапорщик отказал. «Мартын, здесь много одиноких, не знающих другой работы людей. Я обращался к ним. Они ничего не теряют. Ты женат, у тебя сын полугодовалый, его содержать надо. Ты думай об этом. Ты хороший пограничник, вахмистр, и тебя всегда возьмут на службу, когда эта служба станет нужна стране. Я постараюсь получить в штабе справку, что по семейным обстоятельствам ты отпущен в бессрочный отпуск. Случись что со мной – справка поможет вернуться. Прощай, Мартын Иванович, а справку я пришлю тебе на квартиру с нарочным. Да с ней и оружие у тебя будет находиться законно».

Тогда в роте остались служить четыре низших чина: два ефрейтора, унтер-офицер и старший унтер-офицер.

Крепко врезался разговор в память. Но в пограничную стражу больше не тянуло.

Дома же у Мартына хранились бельгийский винчестер и маузер в деревянной кобуре, что по китайским законам разрешалось иметь пограничникам в собственности. Но не спасло это его от пули. Судьба.

В больнице Мартына продержали три недели, после чего отправили домой на долечивание. На работу он вышел 1 февраля, но всем известно: как Новый год встретишь, так и весь год пойдет. И на Мартыне это суеверие отыгралось по полной программе.

В конце февраля загорелись мастерские. Внутри стояли станки, слесарные верстаки, сварочные посты. Все, что необходимо для металлообработки запчастей. Стены мастерских были кирпичными, ворота и кровля – деревянными.

Телефонный звонок разбудил Мартына около трех часов ночи. Пожар! Мастерские горят!

В ушах зазвенело, будто труба заиграла сигнал тревоги, после чего бешено заколотилось сердце. Прделав несложную дыхательную гимнастику, он собрался и бегом промчался 2,5 километра, отделявшие квартиру от места работы.

Полыхали деревянные ворота, причем сразу на обоих въездах в мастерские. Пожарные из трех бочек качали воду, сбивая струей огонь с самих ворот и начавшей гореть кровли. Старший муниципальной пожарной дружины узнал Мартына и подошел к нему:

– Здорово, Мартын Иванович. Это поджог и причем детский какой-то. Вроде как не спалить мастерские хотели, а попугать.

– А кого-попугать-то, Александр Иванович?

– Это ты с полицейскими разбирайся. Вон они, собираются помалу. А нашему часовому на каланче магарыч поставь. Очень уж вовремя он огоньки пожара рассмотрел. Отделаешься малым ремонтом.

– Это уж, как водится. – Мартын облегченно вздохнул и пошел к полицейским.

Группа людей в китайской форме что-то оживленно обсуждала, но среди них был один с вполне русским лицом. К нему и обратился Мартын:

– Здорово, Сережа. Что скажешь?

– Да говорить особо нечего, Мартын. Версии две: хулиганство, но оно на втором месте. И политическая акция на первом месте. Хотели показать, что железная дорога не вписывается в их понятие об устройстве свободного общества.

– Да как же это дорога может не вписываться в устройство общества? Они что, первобытнообщинный строй пропагандируют? – довольно ехидно спросил Мартын, учуявший крепкий запах перегара от русского в форме китайского полицейского.

– Оговорился. Не вписываются, конечно, порядки, установленные на дороге. Много денег получаете, намного больше эмигрантов. И берете не всех на работу.

– Мы, Сережа, не делим людей на эмигрантов и не эмигрантов. Просто желающих работать намного больше, чем у нас рабочих мест. А вообще вчера эту стрелку отремонтировала

бригада путейцев, так вот в ней работают только полковники царской армии. Других к себе принципиально не берут.

– Не знаю, Мартын. Дело это тухлое и на раскрытие не надейся. Справку соответствующую твоему начальству отправим. К тебе претензий за халатность не будет, поджог налицо.

Успокоенный Мартын вызвал бригаду для восстановления ворот, назначил старшего и отправился домой досыпать. Он и предположить не мог, что через полгода эти ворота еще аукнутся ему. А пока он, крепкий мужик под два метра ростом, к тому же знающий механик, держал в руках три десятка рабочих. Его и боялись, и слушались, и уважали – кто как. Начальство же Мартына ценило и заработной платой не обижало. Он с удовольствием ходил на работу и пропадал здесь частенько дольше положенного.

А вот дома не все складывалось хорошо. Как и зачем Мартын женился, он и сам не понял. Как-то незаметно ласковая, покладистая Дуняша увлекла его и к свадьбе все пришло само собой. После медового месяца Дуню словно подменили. Командирские интонации в голосе, желание жены поставить себя во главу семьи довольно быстро охладили любовный пыл Мартына. Кроме того, после первых родов Евдокия не желала больше беременеть, а средство против нежелательной беременности было одно: жесткие ограничения секса. Мартын начал искать женские ласки на стороне и имел определенный успех в этом деле. Евдокия прочувствовала сложившуюся ситуацию, постаралась перестроиться, но поезд ушел. Так и жили: вроде как вместе, и в то же время не совсем. Дуня продолжала искать пути к прежним отношениям, Мартын не обращал на ее потуги никакого внимания и был сам по себе. Мысль о разводе не возникла, потому что в русских православных семьях жена давалась мужчине один раз и навсегда.

А вот сына Мартын обожал. Ванька, названный так в честь деда, рос смышлёным и подвижным мальчиком. Почти все свободное время Мартын с ним возился. Делал ему игрушки, пел песни, рассказывал страшные истории. Но больше всего им обоим нравилось бороться. Для этого Мартын ложился на диван, а Ванька нападал на него и пытался поднять ему руку или ногу, открутить голову, пробить кулачком брюшной пресс. Мартына это веселило. Ивана тоже, хотя успеха он не достиг ни разу. Но с детства таким образом Иван приобрел навыки в борьбе за достижение цели.

В начале марта Мартын как обычно пришел домой, но не услышал восторженного крика сына. Навстречу вышла заплаканная Евдокия.

– Что случилось? Ванюшка? Что с ним?

– Он заболел. Температура с утра 40,1. Бредит. Я вызвала Илью Палыча, он подозревает корь, но пока не точно. Прописал лекарства, я уже все купила, кроме опия. Я не знаю, где и как его покупать.

Мартын, не отвечая, бегом кинулся в комнату Ивана. Сын был в сознании. Постель, мокрая от пота, скомкалась. Ваня стонал от боли. На столике возле его кровати лежали нетронутые облатки с порошками, коробка с ампулами и кружка, наполовину наполненная водой.

– Папа, как долго тебя не было. Мне страшно одному. Мне кажется, что сейчас пффф – он скорчил гримасу – и взорвется голова. Здесь жарко, как в бане. Открой окно. Папа, туловище

не может сесть. – Ваня попытался сделать жест рукой – Рука тоже не поднимается. Хорошо, что ты пришел. Побудь со мной, расскажи страшную сказку. Пусть болезнь испугается и уйдет.

Ваня истратил на монолог все силы, закрыл глаз и затих. Мартын поднял сына на руки, сказал жене: «Перестели постель. Быстро. Проветри здесь» и вынес мальчика из комнаты. Ваня горел, и чтобы помочь сыну, Мартын скинул с себя рубашку и прижал к груди голое раскаленное тельце ребенка. Почувствовав прохладу, Ваня притих и мирно засопел.

Вышла Дуня:

– Все готово.

– Хорошо. Почему лекарства не давала?

– А как, если он почти все время без сознания?

– Растудить твою в качель. Я же видел там ампулы. Их что, тоже пить надо?

– Я не знаю. Я просто купила все, что прописал доктор, а Ваня мечется и глаза не открывает. Я испугалась. Ждала тебя.

– А в кружке что?

Евдокия похолодела. Она успела сбегать к Прасковье и взять у нее кружку наговоренной воды. С грехом пополам полкружки она влила в Ивана и искренне считала, что все лечебные действия на этом закончены. Но лучше, чтобы муж об этом не узнал.

– Да водичка это, порошки запить, когда проснется.

– Ладно. Я 2—3 дня побуду дома, там у меня переработки достаточно, отпустят. Будем Ивана лечить. Когда Илья Палыч придет?

– Уже скоро. Обещал часам к восьми заглянуть.

Доктор появился в начале девятого. Осмотрел мальчика, развел руками и сказал: «Точно могу утверждать одно: это не корь. Я не знаю, что за инфекцию он подцепил, поэтому продолжайте давать порошки, которые я прописал, наймите медсестру, чтобы раз в день делала укол и сбивайте температуру. Чай с малиной и обтирания водой с уксусом хорошо помогут ребенку. Не давайте температуре подниматься выше 39 градусов, но и ниже ее не сбивайте. Высокой температурой организм сам борется с инфекцией, не надо ему мешать».

Четыре дня Мартын не отходил от постели сына, четыре дня температура держалась около 40 градусов, четыре дня доктор качал головой и разводил руками. И наконец утром в понедельник термометр показал 37,9. Это была победа.

Но неудачный год продолжался. После сына заболела жена – Евдокия. Да не вся заболела, а только частью тела. Первым внимание на твердый комочек в правой груди, как и положено, обратил Мартын и заставил жену показать грудь доктору. Врач был мужчина, поэтому Мартыну стоило много сил приложить к тому, чтобы уговорить Евдокию. Диагноз был категоричный: рак молочной железы, нужна срочная операция. В данном случае время решает все. Все же, опасения были:

– Доктор, а как, если без операции?

– Можно без операции. Будем лечить консервативно, она останется с грудью и умрет через полгода. А можно с операцией. Грудьотрежем, но проживет лет 10. Выбирайте.

На следующей неделе двадцатичетырехлетняя Евдокия осталась без правой груди. Мартын считал себя твердохарактерным человеком, а тут вдруг начал ощущать физическую боль,

как будто это ему отрезали часть тела. Он ухаживал за Дуней, старался угадать ее желания, и Дуня расцвела. Несчастье сблизило их тем более, что подспудно каждый начал с этого года отсчёт десяти лет.

Осенью появилась хорошая новость. Дорогу передали под совместное советско-китайское управление. Появилась новая власть, а с ней новый приказ: на дороге могли работать только граждане СССР и Китая.

Мартын никогда не считал, что он в Китае поселился навечно. Его место в России. А вот когда в нее возвращаться – этот вопрос пока не рассматривался. Просто от добра добра не ищут, а в их семье был достаток, жизнь сложилась и менять ее в ближайшие годы он не намеревался. Но вот перспектива получить гражданство страны, в которой хочешь к старости поселиться, его обрадовала.

С октября месяца в консульство СССР выстраивались огромные очереди. Народ массово вступал в советское гражданство. За три дня стояния Мартыну удалось попасть к столу, где безликая уставшая женщина принимала заявления, проверяя правильность оформления документов. Но вместе с советскими руководителями прибыли и чекисты, по-новому – ОГПУ. Вот туда Мартына, подавшего заявление о принятии гражданства СССР на себя и семью, вызвали на переговоры.

– Так, Фокин Мартын Иванович, 1893 года рождения, служил в жандармах. Все правильно?

– Не все, господин хороший. Я служил в пограничной страже.

– Мне плевать, в каком месте была эта стража, но в России мы стражников на фонарях развешивали.

– Да мы границы от контрабанды охраняли, а не заключенных – поняв, с кем его путают, внес ясность Мартын.

– Ты мне мозги не компостируй. Вот написано вахмистр, значит, вахмистр, а это жандармское звание.

– Да господин хороший, вахмистры и у конников есть.

– Ты же не конник, а стражник. – Выражение лица гепеушника говорило о серьезности момента – Твое счастье, что пока у нас здесь прав маловато, а то бы я тебя своей рукой пристрелил, сволочь жандармская. А место в Советской России для таких как ты не предусмотрено. Вот в январе горели механические мастерские. А не приложил ли ты руку к поджогу? Мы будем разбирать это дело и поверь, первым подозреваемым пойдешь ты.

На этом и закончились переговоры с чекистом. Мартын остался без гражданства. Многие после собеседования в ОГПУ получали похожий ответ и прямо из советского консульства отправлялись в китайскую Управу, где принимали гражданство страны проживания. Мартын считал для себя унижением становиться китайцем. Он ждал увольнения, но репрессивный механизм страны Советов еще не был отлажен и дал сбой. Механические мастерские станции Харбин продолжал возглавлять человек без гражданства Фокин Мартын Иванович.

Отец и сын

А у Мартына пропал интерес к работе. Отказ в получении гражданства как будто оборвал важную струну в его жизненном настрое. Он шёл на работу, а ноги не желали идти. Он подходил к воротам мастерских, а в груди свербело, давило, требовало остановиться и повернуть назад. Мартын ожидал последствий от разговора с гепеушником, но пока была тишина.

Все чаще руководители различных служб стали после работы собираться в буфете управления КВЖД. Двери запирались, на стол выставлялся коньяк, выкладывалась немудреная закуска и начиналось обсуждение происходящего. Все сходились во мнении, что дорога разваливается. Причину находили в том, что ключевые посты заняли неграмотные, зато, как они про себя говорили, политически подкованные кадры. Это моментально сказалось на экономических показателях: прибыль от эксплуатации дороги упала в пять раз.

Обсуждали царскую администрацию, управлявшую дорогой вплоть до 1924 года. «Да, – говорили про них – воровали. И помногу, сволочи, воровали. Но ведь и нам на очень хорошую зарплату оставляли. А теперь не воруют. И что? Где зарплата?»

Вскоре Мартыну эти однообразно проходящие собрания надоели, и он перестал задерживаться, иногда уходил с работы раньше положенного и стал чаще бывать дома.

До сих пор он воспринимал дом как нечто неотделимое от него и само собой разумеющееся. Но оказалось, что этого можно лишиться, если не примкнуть к какой-либо власти. И Мартын как бы прозрел: он увидел себя стоящим на краю бездны, и жилье, которое прочно держало его, не давая сделать шаг в никуда. Он шел домой, смотрел по сторонам и пытался приучить себя к мысли, что Харбин стал его городом навсегда.

Линейный поселок состоял из восьми кирпичных одноэтажных двухквартирных домов, расположенных вдоль железнодорожных путей. Начиналась улица от Московских казарм и упиралась в паровозное депо. Принадлежали они трем домовладельцам, которые сдавали их в аренду администрации КВЖД, а та, в свою очередь, бесплатно выделяла эти дома своим служащим для проживания.

Во второй квартире дома №41 еще в 1919 году поселилась молодая семья пограничника Фокина Мартына Ивановича. Квартира была трехкомнатная: спальня родителей, комната для сына, гостиная и большая кухня.

Столярничать в таежном краю сам Бог велел, поэтому вся мебель в доме была местного производства, но при этом только высокого качества, от признанных мастеров.

В кухне красовалась массивная русская печь, в которой жарили, варили, томили и поддерживали теплой пищу. Готовили в чугунной и глиняной посуде, а стол сервировали китайским фарфором и фаянсом. Изумительная по красоте посуда была в Харбине делом обычным и стоила не так уж дорого.

Позади дома была железная дорога, а перед ним располагался палисадник. Декоративные кустарники, цветники – все это ухожено, прибрано. Занимались растениями два китайца-садовника, нанятые всей улицей вскладчину. Вдоль улицы тянулось ограждение из низкорослой туи. Калитки тоже были у всех одинаковы по форме, только покрашены в разные цвета. Чувствовалось, что народ любил свои жилище и улицу.

К дому примыкали два сарая. Один для дров, печку топить, а во втором стеллажи были заполнены солеными, квашеными, копчеными продуктами и здесь же располагался погреб-ледник.

Тайга давала дичь, как красную, так и пернатую, грибы и ягоды в избытке, полноводная Сунгари кормила рыбой. С приходом русских вокруг города появились свинарники и коровники. Магазины и рынок заполнили колбасы, окорока, молоко и молочные продукты. Все было очень дешевым.

Противоположная сторона улицы уже не имела отношения к Линейному поселку. Это был Сунгарийский городок, в простонародье именуемый Нахаловкой. И расположилась эта Нахаловка между Линейным поселком и Главными механическими мастерскими железной дороги. По ее улицам Мартын шагал на работу. В основном Харбин походил на приличный провинциальный город России, а Нахаловка представляла собой не очень-то уютную деревню. Чтобы понять ее, надо слегка заглянуть в историю.

С разгромом войсками Дальневосточной республики под Волочаевкой сил сопротивления, Белая гвардия и поддерживающая ее часть населения хлынули в эмиграцию. Почти 200 тысяч человек осели в Харбине. Возникла проблема нехватки жилья, но люди выходили из положения.

По китайским законам, если в помещении топилась печь, то это сооружение сносу не подлежало. Офицеры российской армии от прапорщиков и до полковников вопреки сложившемуся мнению не относились к числу высокооплачиваемых, они не могли покупать жилье, но имели головы и руки, чтобы построить.

За одну ночь ставилось сооружение из 4 стен и крыши, складывалась печь, растапливалась, и халупа обретала статус частного дома. Так возникла Нахаловка.

К гражданской жизни офицеры были неприспособленны, поэтому приличной работы не находили, и Сунгарийский городок имел вид обнищавшей деревни, особенно по сравнению с прилегающим районом под названием «Пристань», где поселились промышленники и купцы.

На КВЖД все текло своим чередом, но о Мартыне вспомнили. Осенью 27-го года зашел к нему партнер по преферансу, инспектор отдела кадров: «Атанда², Мартын, тебя арестуют. Я слышал разговор чекиста с нашим начальником, он говорит, что ты специально втерся в доверие, чтобы организовать в скором времени диверсию. Утром, перед работой, заскочи ко мне и напиши заявление об уходе. Я все организую. А через неделю приходи и пиши заявление, примем тебя на работу кондуктором. Они постоянно в разъездах, глаза не мозолят и болтают только друг с другом»

Мартын так и сделал. Утром зашел в кадры, а через час, с помощью соседа, уже был уволен с КВЖД. В СССР не приняли, с работы выгнали – тоска. До обеда Мартын пошатался по двору, а потом подался в клуб, где компании собирались поиграть в преферанс.

Преферанс Мартын обожал и играл в него, казалось, всю жизнь. Но он не был игроманом, к тому же спокойно относился как к проигрышу, так и к выигрышу. В клуб он ходил потому, что ему нравилась обстановка игры, порядок, публика, которая по каким-то причинам была внутренне ближе ему, чем тесное рабочее окружение. Он играл, а душа в это время отдыхала.

Но в день увольнения случилось невероятное: Мартын как барашка проигрался в пух и прах. Настолько в прах, что оставил на столе все деньги, что получил при увольнении, плюс ползарплаты за месяц, что была у него с собой. И только идя домой, он понял, что сегодня не «пулю расписывал», а пытался отстраниться от трагизма ситуации. Потеря работы приближала к бездне. Идти в кондукторы?

Мартын знал, кто такой кондуктор, но не представлял себе тонкостей его работы, поэтому решил сходить к тестю. Трофим Васильевич, инженер-путеец, должен был разбираться в этом. Выслушав всю историю, Трофим рассказал: «Кондуктор, Мартын, это не приведи Господь работёнка. Врагу не пожелаешь. Но люди работают. Платят неплохо, но это за тяжелые условия труда.

Через каждые 5—6 вагонов в товарном составе есть вагон с так называемой тормозной площадкой. Она потому и площадка, что открыта с двух сторон и с третьей имеет барьер высотой по пояс человеку. На площадке лавка и штурвал ручного тормоза.

Как машинист подаст условный гудок, кондуктор вскакивает и изо всей силы крутит тормоз. А силы там нужны немалые, поэтому работает там крепкий, мускулистый народ.

Еще кондуктор отцепляет и прицепляет вагоны, а еще работает «собачником». Это, когда отцепят твою секцию от состава, надо хватать за верёвку тяжеленный тормозной башмак и волоочь его вдоль вагонов, словно собаку на поводке, чтобы подложить под колесо.

Сам понимаешь, что погода никакого значения не имеет. Состав движется и в снег, и в ветер, а кондуктору остается только одеваться по погоде. Работают обычно часов по 12. То есть сопровождают свою секцию до определенной станции, там сдают сменщикам, получают секцию в обратном направлении и двигаются домой. Спать нельзя. Бывали случаи самотцепа вагонов на подъеме, когда кондуктор должен остановить покотившиеся обратно вниз вагоны. Если проспит, то смерть ему и машинисту следующего за ними поезда. Потом положен на двое

² Атанда – сигнал тревоги, опасности. Предупреждение об опасности

суток перерыв, но они раньше уходят в рейс. По собственной инициативе, для заработка. Вот такие дела.

Еще нюанс: оружия у них не бывает. Люди они в основном бедные, взять с них нечего, поэтому после нападения хунхузов на состав они обычно остаются живыми. Бывают исключения, но пуля, она ведь дура. Может и кондуктора убить.»

Мартын задумался. сказал: «Спасибо, Трофим Васильевич» и побрел домой. Через 8 дней он отправился в свою первую поездку до Цицикара и обратно.

Потянулись однообразные до безобразия дни. Упал заработок и пришлось распрощаться с поваром. Круг приятелей стал значительно уже и теперь их осталось только четверо, включая Мартына. Как-то так получилось, что, расписав за вечер всего одну пульку, они принимались активно обсуждать текущую ситуацию в городе и на железной дороге.

Юрий Аркадьевич Воробьев, самый старый из них, ему сорок минуло еще в прошлом году, садился на своего конька и с азартом начинал втолковывать другим: «Нет, вы посмотрите, вы задумайтесь. В двадцать четвертом, при старом руководстве, дорога приносила доход 50 миллионов золотых рублей. А что сегодня? По итогам прошлого года получили всего 10 миллионов. Это в пять раз ниже. Это что за начальники сидят на железной дороге? Они что, и своей страной так управляют? Разогнали спецов, набрали политически подкованных дилетантов, не смыслящих ни в науке управления, ни в финансовой дисциплине, и чего они хотят? Дорога – механизм инерционный, развалить ее за год не получится, как ни старайся. Но в конце концов они развалят и отдадут китайцам, причем за смешные деньги».

С ним соглашались и переходили к чтению газет. Советские газеты не читались: было скучно. В них либо восхваляли Сталина, поражаясь его гениальностью, либо восторженно писали о доярке, получающей огромный надой с коровы благодаря умным директивам Сталина, либо страстно клеймили врагов, мешающим Сталину проводить в стране правильную политику. Читали французскую и американскую прессу, поскольку Михин Илья Георгиевич знал оба языка и переводил для друзей написанное в газетах.

– Да чушь это, – восклицал Новосельцев на утверждение французского журналиста, что китайцы хотят сделать Харбин китайским и готовят захват власти. – чушь. Не нужен им в Харбине китайский уклад жизни. Им русские нужны, они видят их пользу. Их идея в другом: захватить дорогу, убрать недоумков из управления и поставить прежнее руководство. Ведь они тоже лишились колоссального дохода, которым по договору делилась с ними Россия.

– Ты, Дима, не туда поехал. – Возражал Новосельцеву Мартын. – Нельзя поменять руководство на железной дороге, подчиняющейся другому государству. Захватывать, так уж захватывать совсем и стричь купоны в одиночку, без СССР.

– Я это и имел в виду, – утонул Новосельский.

И как бы там ни обсуждалась эта тема, 22 декабря 1928 года началась операция по захвату КВЖД. По иронии судьбы захватчиками выступали войска, которые три года обучал в качестве военного советника никто иной, как Василий Константинович Блюхер, и обучил он их качественно.

В начале следующего года руководство дорогой полностью перешло к китайцам. Две тысячи советских служащих были отправлены в тюрьмы, а четверым из них отрубили головы. Человека без гражданства, Фокина Мартына, китайцы не тронули. Это расценивалось, как большое везение, поскольку образовалась целая армия безработных и борьба за выживание превратилась в норму поведения.

Слабая советская страна далеко не сразу нашла в себе силы противостоять гоминьдану. Война то с участием армий, то на уровне дипломатии велась ровно год, и 22 декабря 1929 года стороны подписали Хабаровский протокол, по которому дорога вновь признавалась совместным советско-китайским предприятием.

Для русских в Харбине год этот сложился крайне плохо. Сотни людей китайцы уволили как неблагонадежных, сотни уволились сами по призыву профсоюзов не работать на Китай, но были и сотни, которые приняли второе гражданство, то есть китайское. Мартын в этой мешанине чувствовал себя неплохо, но это было только снаружи. Внутри у него зрела тревога. Он понимал, что добром сложившаяся ситуация не кончится.

Возвращаясь с работы, он уединялся с Иваном, поскольку их четверка потихоньку распалась, и вел с ним беседы о России, Китае, Японии, железной дороге. Десятилетний мальчик сердцем понял состояние отца и приходил с улицы, где он пропадал все свободное от школы время, к появлению Мартына.

Отец сознавал, что ребенок почти ничего не понимает из его рассуждений, но Мартыну нужен был слушатель. Он пытался говорить с Дуней, но той совершенно не интересны были его рассуждения. Она вроде и слушала, а сама то пыль какую-то протрет, то в кухню зачем-то сбегает. «Да сядь ты в конце концов!» – рывкает Мартын. Дуня виновато присаживается на край стула, а у Мартына пропадает желание говорить.

С сыном было иначе, и потому Мартын рассказывал: «Ты, Ваня не смотри, что китайцы захватили дорогу. Она, конечно, нужна им, но силенок у Чан Кайши маловато. Не справится он. У Сталина тоже не все ладно, иначе бы он еще в начале года ввел бы свою армию в Маньчжурию. Дорога лакомый кусок для многих. Не поверишь, но даже Соединённые Штаты рассчитывают оторвать себе долю. Они заявляют, что Китайская Восточная дорога есть достояние мирового уровня и управляться должна мировым коллективным органом. И плевать им на чьи деньги создавалось это достояние. Но американцы далеко, а японцы близко. Думаешь, напрасно они уже много лет толкутся в Харбине? Япония – маленькая страна, вся на скалистых бесплодных островах. Им нужны плодородные земли. Они уже заселяют своими крестьянами юг Маньчжурии. А тут еще и КВЖД. Вот увидишь, Ванюша, пока русские с китайцами грызутся, японцы силенок поднаберут и захватят тут все. И бежать, Ваня, нам будет некуда. Меня в Россию без паспорта и визы не пустят, а доживешь ли ты до совершеннолетия в этой мясорубке, чтобы получить российский паспорт – я не знаю. Пока что считаю, что тебе путь на Родину не закрыт. Ты родился здесь, в Харбине, но корни твои там, в центральной России».

Подобные беседы волновали Ивана, заставляли задумываться и слушать радио. В кругу мальчишек такие разговоры поддерживались, но ребятня, как всегда, была категорична. Они четко придерживались суждений своих родителей, а последствием являлись создания всевозможных детских политических организаций. Иван дружил со всеми, но ни к кому не примыкал в качестве члена организации. Причина была тривиальна: место расположения Линейного поселка. Выйдешь из дома, и 100 метров налево – Московские казармы, там обитали хулиганы

и босяки; 100 метров направо – там Пристань и купеческие дети; 20 метров прямо – Нахаловка и дети офицеров; а позади, по ту сторону железной дороги огромный район Новый Город, и дети служащих КВжд.

] Для Мартына история его работы на КВжд окончилась на удивление спокойно. Просто в один из январских дней 1930-го года ОГПУ передало в кадры очередной список на увольнение из 263 фамилий. Среди них была фамилия и кондуктора Фокина Мартына Ивановича.

То, что пограничная стража в Харбине канула в вечность, Мартын знал. Поэтому достал свое бессрочное отпускное удостоверение, разгладил его и с болью в душе положил на место. Поиск работы начался с хождения по знакомым. Среди преферансистов было много людей, с которыми он состоял в дружеских отношениях. Каждый из знакомых Мартына где-нибудь что-нибудь да возглавлял и казалось, что есть люди, готовые пойти ему навстречу.

Мартын никак не ожидал, что поиски работы станут такими сложными. Окончание каждого разговора можно свести в одну фразу: «У меня нет работы, которой ты достоин, а предложить тебе что-то, не требующее квалификации, я не могу: окружающие не поймут». «Да ешь твою в медь, эти окружающие – орал про себя Мартын – мне работа нужна, а не их мнение», но силой воли держал «хорошую мину при плохой игре»

Недели тянулись одна за другой, накопления таяли, а результат поиска работы был нулевой. Список лиц, к которым Мартын собирался обратиться за помощью, иссяк. Как известно, Фортуна не любит неудачников, и Мартын понимал, что если он зацепится за любую работу, то поиски примут совершенно иной характер. Бросить в разговоре фразу: «Понимаешь, заработок перестал устраивать. Может, у тебя найдется что подходящее?» – в корне отличается от униженной просьбы взять на любую работу.

Мартын стал чаще бывать дома и ожидать встреч с сыном. А тот носился со сверстниками по улицам: с кем-то дрался, кого-то защищал, о чем-то спорил. А вечером подробно обо всем рассказывал отцу. Мальчику было приятно, что отец интересуется его делами и при этом в отличие от матери не применяет репрессивных мер, если что-то у Ивана пошло не по правилам хорошего тона.

Иван с увлечением обучался игре в преферанс. Магия карт очаровала мальчугана, только что вступившего в свое второе десятилетие. Игра учила думать, считать, предвидеть и рисковать. Мартын перестал посещать клуб, но раз в неделю друзья собирались у него в гостиной, чтобы расписать пулю. Для Ивана эти часы были священными, и он всегда присутствовал на игре.

Прогнозы Мартына и его приятелей не оправдались. С захватом дороги и возвращением в руководство русских специалистов, жить в процветающем не так давно Харбине становилось все труднее. При попустительстве Советской России китайцы ужесточали полицейский режим, вводили всевозможные запреты. Процветало взяточничество, разбой. Хунхузы, не встречая должного отпора, уже не боялись совершать налеты на богатые районы Харбина.

Мартын сумел устроиться дворником, заплатив начальнику коммунальной службы Нового города. Работа занимала 4 часа в день, при этом, если и вообще не подмести, то никто ничего не скажет. Харбин умирал.

А горожане, в своей жизни разнообразные по социальному статусу русские люди – беженцы и технические специалисты, старожилы харбинских особняков и вчерашние бездомные белые воины – прекрасно понимали, что ситуация в корне изменилась и возврата к прежнему благоденствию не будет. Технические специалисты еще держались, а безработные офицеры потянулись на юг Китая.

Мартын же четко определил для себя позицию: после достижения восемнадцатилетнего возраста Ваня, возможно, с матерью, уезжает в СССР. И только потом он займется определением собственной судьбы. По первой прикидке, он был нацелен на эмиграцию в Австралию.

Но утром 6 февраля 1932 года население Харбина, несмотря на двадцатиградусный мороз, высыпало на улицы города. По ним шли немногочисленные пешие отряды японской армии и с грохотом пролетали мотоциклетки и легкая бронетехника. Горожане ликовали.

Восторженные женщины забрасывали японцев невесть откуда взявшимися букетами, мужчины срывали с головы шапки и размахивая ими кричали «банзай». Всем казалось, что конец китайского засилья пойдет на благо. Япония в понимании русских – это сакура, бесконечные поклоны друг другу, улыбки и беспредельная вежливость. Япония – это цивилизация, и она, долгожданная, вернулась в Харбин.

Побежденные китайские солдаты бежали в неоккупированные зоны, грабя, насилуя и убивая мирное население независимо от национальной принадлежности, и это прибавляло плюсов оккупантам.

Мартын стоял в толпе и с горечью смотрел на ликующих горожан. «Дождались. А чего дождались-то? Чем китайцы не угодили? Ведь дураку понятно, что всем верховодили япошки, это по их приказам все творилось. А теперь им и таиться не надо, теперь они развернутся». Он махнул рукой, задел соседа, извинился и увидел, что шапками машет только первый ряд горожан. Остальные, как и он, стояли молча. «Слава Богу, понимающих хватает, я не самый умный» – Мартын пошел домой.

Случилось так, как и должно было случиться. Вместе с японской армией пришли японские жандармы и сразу заработал репрессивный механизм. Оказалось, что у японцев сильно развита шпионофобия, они видят лазутчика почти в каждом русском. Начались аресты, допросы и пытки. Тотальные слежки за русскими, китайцами и даже друг за другом были нормой поведения новой власти.

Пытки в японских застенках были делом повседневным и обычным. По изощренности их приемы пыток превосходили описанные в «Молоте ведьм». В основном у них все делалось просто, но...

Например, между пальцами ног вкладывали тоненькие прутики и забинтовывали ступню, исключая при этом возможность дотянуться до ног руками. Уже через пару часов начинался дискомфорт, а через 5 часов боль охватывала ноги от пальцев до паха. Через 7 часов человек был готов лезть на стену от боли и в этом состоянии выдавал все тайны. А если он не знал никаких тайн, то придумывал их для того, чтобы скорее вынули эти проклятые прутики.

Японские жандармы знали свое дело и к лету того же года Мартын был вычислен ими как бывший служивый пограничной стражи. В погожее майское утро, когда Мартын заканчивал подметать улицу, рядом с ним остановилась пролетка и сидевший в ней жандарм приглашающе махнул рукой. От таких приглашений не отказываются, поэтому Мартын молча подошел к пролетке и вопросительно посмотрел на седока. Тот, что-то лопоча по-японски, вырвал из рук Мартына метлу, отшвырнул ее в сторону и пальцем указал на сиденье напротив себя.

Через 10 минут Мартын входил в жандармскую управу. Надписи на табличках ему ни о чем не говорили, поэтому он не знал к кому его привели. В кабинете за столом сидел худощавый японец в форме: «Здравствуй, Мартын. Зовут меня Кичиро Тиба. Ты будешь при обращении называть меня Тиба-сан, что по-русски звучит господин Тиба. Я помощник начальника управления и работаю с русскими, потому что знаю русский язык. У нас в Харбине мало солдат и мы принимаем на службу русских. Ты сделаешь присягу императору, получишь винтовку и будешь охранять склад с бензином и спиртом. – Уловив в лице Мартына недоумение и жела-

ние отказаться, Кичиро Тиба поднялся из-за стола, сделал жест в сторону двери и продолжил – Отказываться не советую, у нас простые, но очень хорошие способы уговорения».

Еще по дороге в подвал Мартын услышал крики боли и внутри у него все сжалось. Страх пыток вернулся к нему, очень сильно захотелось в туалет. Внизу царил полумрак, но все было видно. Прямо у двери полулежал человек с синим опухшим лицом и издавал стоны, пытаясь что-то сказать. Внимания на него не обращали, а бедолага, похоже, кончался и интереса для мучителей не представлял.

Чуть дальше располагался орущий во все горло абсолютно голый мужчина чуть моложе Мартына, а на выбритый на его темени кружок капля за каплей падала жидкость. «Ничего плохого, просто вода, – уточнил Кичиро Тиба – но она капает уже сутки. Он в своем донесении сделал обман и не говорит почему так поступил. Этот сильный, а тот, который не хотел служить у нас, просидел под каплями только полдня. Потом начал смеяться и петь песни»

Мартын молча кивнул головой, вздохнул и махнул рукой в сторону выхода. Все вернулось на круги своя: в Маньчжурии он со стражи начал, стражей и закончит. А то, что это конец, Мартын почему-то не сомневался.

На удивление Мартына, на склад он не попал, а был определен в охрану железной дороги под непосредственное начало Бампо. Бывший подданный короля Италии, ныне гражданин Китая, капитан японской армии, разговаривающий на русском, и, чего Мартын не знал, агент четырех разведок. В настоящее время служил в контрразведке Японии.

Работать Бампо умел, шпионом он был, как говорят, от Бога, японцы это знали, лишнего при нем не говорили, а в контрразведке он вреда не приносил.

При напутствии Кичиро Тиба предупредил, что главная задача Мартына – наблюдать за всем, что делается на дороге и ежедневно давать письменный отчет Бампо-сан. «Растудить твою в качель, приплыл» – мелькнуло в голове Мартына. Он еще не знал, что ему повезло.

Тысячи харбинцев, вышедших на улицы встречать японских оккупантов, были убеждены в том, что пришла сила, способная помочь им в возврате потерянной Родины. Но Япония в ближайшее время не собиралась нападать на СССР, поскольку совершенно не представляла себе расклад сил. Зато очень боялась, что Россия также изучает их военные возможности, и организовали тотальный контроль за населением Маньчжурии почище, чем ОГПУ.

Основная масса завербованных контрразведкой занималась доносительством на платной основе. Платили мелочь, но за каждое донесение, получалась сдельная оплата труда, стимулирующая доносчиков. Затем шли филеры – «стукачи». Сюда приходили добровольно, решая трудную для себя нравственную задачу: стучать или пухнуть от голода. Не для всех решение было очевидным, но нанимались в филеры из безысходности. В отличие от доносителей, филеры получали конкретное задание проследить за интересующим японцев человеком.

Мартын же занялся известной ему работой: борьба с контрабандой. Первый же случай отличиться произошел через месяц после начала службы.

Нормальный товарный вагон, пришедший ночью на сортировку, был ничем не примечателен. В меру облезлая зеленая краска и четко нанесенные белым стандартные надписи. Слева от раздвижной двери написано «КВжд» под эмблемой дороги и тут же «20т», справа надпись

«40 человек или 8 лошадей». Дверь была заперта на большой амбарный замок, а у вагона стояли два гражданских мужика с пистолетами за поясом и ножами в ножнах. Это было нетипично.

– Таможня, ребята. Кто такие, что в вагоне? – Мартын сходу решил, что они понимают русский язык.

– Пошел на ... – они не только понимали русский язык, они на нем еще и говорили.

Мартыну стало нехорошо. В голове зашумело, глаза налились кровью, по телу пробежала дрожь. Взятки ему предлагали неоднократно, убить обещали несколько раз, но вот посылали так далеко впервые. Мощный удар в солнечное сплетение вырубил говорившего, а второй, не успев схватиться за рукоятку итальянской беретты, тут же взвыл от боли. Применивший болевой прием к нарушителю Мартын уже вовсю свистел в свою дудку, созывая полицию.

И вдруг из вагона явственно зазвучали женские крики и стук в дверь. В три удара прикладами полицейские сбили замок и застыли: в товарном вагоне оказались 11 девушек в возрасте 15—16 лет, две из которых были мертвы. Увидев людей, девушки заговорили все разом, но в этом гвалте Мартын сумел уловить суть.

Третьего дня в Цицикаре родители сдали девчонок агенту благотворительного фонда для отправки в цивилизованные страны, где им светила работа в качестве гувернанток и горничных в русскоговорящих семьях. Всех явившихся посадили в автобус и отвезли за город, где заперли в неотапливаемом сарае. Вещи отобрали, а ночью было не жарче плюс двух градусов. Девчонки простудились. Вчера их запихали в товарный вагон и продержали в нем сутки, пока не прицепили к паровозу. Из еды давали рисовые лепешки и воду. Две девочки заболели еще в сарае, в вагоне появился сильный жар, а потом они затихли почти одновременно.

– Что это, господин Бампо? Как такое могло случиться? – спросил Мартын у своего начальника, сдавая тому отчет.

– Да ты, Мартын, как вчера родился. Обыкновенная работоторговля, существующая тысячелетия. Пришли в Китай беженцы, а с ними пришли нищета и безысходность. Группа твоих соотечественников тут же организовала поставку красивых девушек в бордели. Люди из числа офицеров заводили знакомства со своими бывшими сослуживцами и предлагали безвозмездно помощь. Они обещали переправить их дочерей в Австралию, Канаду, Аргентину, где с большой охотой брали на работу гувернантками русских девушек. Родители отдавали детей в их руки и совали при этом какие-то дешевые ювелирные изделия в качестве оплаты за услугу. Власти всегда боролись с этой напастью, но всякая власть обожала мздоимство. Я сам видел, как расплачивались с крупными чиновниками за свободный транзит. Японцы запретили торговлю людьми и теперь будет расследование и казнь участников данного инцидента.

– Так все кончается? Или японцы тоже возьмут деньги?

– Нет, Мартын, не кончается, хотя и денег не возьмут. Организаторы – хитрые люди и имена их никто не знает, так что выдать не смогут.

– Растудить твою в качель, да что же, на выродков управы нету?

– Есть, Мартын, есть. Да хотя бы и мы с тобой. Вот спасли 2 души – и хорошо.

– Почему две, а не девять, господин Бампо?

– Да потому, что оставшиеся в живых вернуться в нищету и убожество, а там уже и по собственному желанию придут в дом с красным фонарем. Ты в Харбине такие дома знаешь?

– Да уж давно не мальчик, господин...

– Оставь в покое это слово, не нравится мне оно. Зови уж Бампо-кун. Так японцы обращаются к товарищу по работе одного с ними социального уровня.

– Принято, Бампо-кун. – улыбнулся Мартын.

Служба потекла своим чередом. Контрабанда, наркотики, нападение хунхузов – все то, с чем Мартын познакомился еще на рубеже прошлого десятилетия. Японская форма ему не мешала, хотя отношения с прежними товарищами разладились. Ну да Бог им судья, каждый в жизни выживает как может. Мартын чести своей не терял и безнравственных поступков не совершал. Ему ни за какие свои поступки не было стыдно перед сыном.

Учился Ваня хорошо. Ему легко давались точные науки, он любил химию, особенно органическую, но были и проблемы. Ваня много читал. Сначала дома, потом ходил в библиотеку, но вот история Ване просто не давалась. Заучивание дат приводило его в смятение, и шестнадцатилетний Иван искал ответы у отца.

– Папа, ну на фиг мне знать в каком году правил Василий Третий? Ну, был такой. Ну, сын у него родился. Иван Грозный.

– Сынок, тебе «Королева Марго» нравится?

– Да, папа

– А «Князь Серебряный»?

– Тоже нравится.

– А ты когда-нибудь задумывался о том, что Дюма и Толстой пишут об одном и том же времени? В то время, когда Генрих Наваррский боролся за выживание в Париже, в России беспредельничал Иван Грозный.

– Да ты что! Как-то я и не подумал. Мне казалось, что времена Грозного – это зачатки цивилизации на Руси, а времена Генриха – это расцвет.

– Ты прав, Ваня. Франция здорово обогнала в развитии Русь. Но ведь для того и знание дат нужно, чтобы понять: за довольно короткий срок Россия сумела догнать французов.

– Ну и черт с ними, папа. Мне история Харбина нужна, а Франция далеко отсюда.

– И что ты знаешь об истории Харбина?

– Да только то, что пацаны на улице говорят. В школе как-то не очень растолковывают нам эту историю.

– Это потому, что нынешняя власть никакого отношения к истории Харбина и КВЖД не имеет. Все это делалось до них.

– Ну, расскажи.

Мартын подумал, заказал сыну 2 стакана чаю на двоих, отхлебнул из своего, чинно допил до конца и только потом начал:

«История эта началась давным-давно, лет за 20 до твоего рождения. Ты представляешь себе карту Манчжурии? Мощная река Амур, в которую впадает наша Сунгари, служит границей между Россией и Манчжурией, то есть северо-восточной частью Китая. А почти на самом востоке границей служит Уссури, также впадающая в Амур.

Амур делает огромную дугу, сильно вдаваясь в сторону России, – Мартын широко провел рукой, показывая, насколько большая эта дуга – и прокладывая железную дорогу по его берегу к самой дальней точке страны очень невыгодно. Проще было по прямой от Читы до Владивостока. В 1,5 раза ближе, но по территории Китая.

Не знаю, как, но Россия договорилась с Китаем, и тот отдал на своей земле полосу для строительства дороги. Назвали ее Маньчжурской дорогой, какой она и была до 1917 года. Это потом она стала Китайской Восточной железной дорогой, КВЖД по-нашему.

Я еще на Маньчжурскую приехал служить. Начали ее строить в 1987 году, в 1903 закончили, в тринадцатом и меня сюда привезли.

Когда строить начали, беспокойно было в Китае. Для защиты была создана Охранная стража. А когда я приехал, это уже был Заамурский округ отдельного корпуса пограничной стражи. В него меня и определили рядовым. – Мартын вздохнул, как будто сожалея о чем-то, сглотнул и продолжил – Харбин находится практически посередине дороги, плюс к этому здесь дорога разветвляется. Одна ветка идет во Владивосток, другая к бывшему Порт-Артуру. Ну, это ты и без меня знаешь. – Заметив удивленный взгляд сына, Мартын уточнил – Порт-Артур был Российским городом намного южнее Владивостока, но в 1905 году была война с Японией, и японцы порт отняли у нас.

А на месте Харбина был пустырь, на нем и поставили первые домики для строителей и назвали его железнодорожный поселок Сунгари. А уж, когда он разросся до уровня солидного города, его назвали городом Харбин. Такое вообще редко в мире встретишь: на территории чужой страны стоит абсолютно русский город с русскими порядками, традициями и русским управлением.

Это потом появились китайцы, потому что они прекрасно умеют быть обслугой. Поселились вокруг города, и у нас появились рикши, дворники, повара-китайцы, торговцы всем на свете на рынке, опиум и кальян, да и сам видишь, чем они занимаются.

До 17-го года вообще все было прекрасно. Китайцы знали свое место и не совались никуда. Говорят, что город наш похож на Хабаровск. Я был там всего 2 дня, город не помню, но знаю, что это большой серьезный город. А железная дорога была полностью во владении Российской империи.

Сразу после революции начался разброд, и дорога стала особым объектом под надзором Китайской республики. Причем, они все больше и больше нагнали, лезли в руководители, и Советская власть не справилась с управлением КВЖД. В 24-м году подписали договор о совместном управлении дорогой Китайской республикой и СССР.

А вот город наш расцветал и жилось в нем хорошо до середины двадцатых годов. В 22-м сюда с Дальнего Востока эмигрировало полмиллиона людей. Половина осталась, а половина укатила дальше на юг, в Шанхай. Среди оставшихся было много предпринимателей и промышленников. Они и организовали полностью в русских традициях жизнь в Харбине. Толковые люди, они знали, чего хотели и умели добиться своего.

Но как бы там ни было, и по сегодняшний день на КВЖД работают десятки тысяч советских граждан. Я не в счет – Мартын грустно улыбнулся. – Вот такая, сын, если коротенько, история нашего края»

Иван обожал эти вечера общения с отцом и, как губка, впитывал в себя информацию. Но с религией у них никак не получалось. Мартын сам был слабоват в теологии, поэтому чаще всего не находил для Ивана контраргументов. Ваня читал Ветхий Завет и ставил в тупик отца вопросами.

– Нет, папа, ты объясни мне: на-кой Богу надо было весь Содом сжечь?

– Они, Ваня, жили несправедливо.

– А Лот? Вот ты представь себе: город, в нем тысячи людей, все до единого развратники и развратницы – и тут Лот, весь в белом? А как же «Закон толпы»? Толпа сама должна была растоптать и разорвать Лота на части.

– Ну, характер у него был сильный, а от горожан его Бог оберегал.

– Почему только его? А жена не заслужила?

– Она любила Лота, поступала, как он, а, значит, тоже заслужила.

– А тогда за что же убивать его жену?

– Он не убил ее, а превратил в столб.

– Хрен редьки не слаще. Ну теперь стоит себе столбом тыщщи лет. Зачем причинять горе человеку, который чтит тебя и слушается? Чем Лот-то прогневил Бога?

– Его жена не послушалась Бога и оглянулась.

– Так это же ни в какие ворота не лезет. Это чистый деспотизм. Я не пойму: почему жене нельзя было посмотреть, как Бог наказывает грешников? Он что, стеснялся этого, потому что перегибал палку? Или же это просто каприз всемогущего: я сказал, а ты не сделала. Скажи, папа.

Мартын замолчал, не находя ответа, а сын не приставал к нему до следующей двойки по Закону Божию.

А потом опять выяснение: «Папа, вот ты мне скажи: как это мертвые будут хоронить своих мертвых? Ведь они даже не шевелятся. Они же закопать мертвяков не смогут. И за что он мне двойку поставил? Ведь я просто спросил, а он вместо того, чтобы понятно рассказать, вон что вытворяет»

Мартын не был умнее преподавателя Закона Божьего, ответа не знал, поэтому просто вышел из комнаты с видом человека, у которого есть срочные дела.

Баварец

В мае 1935 года Артур Христианович Артузов был освобожден от должности начальника иностранного отдела главного управления госбезопасности НКВД и переселился в разведывательное управление штаба РККА³. При этом он испросил разрешения забрать с собой нескольких сотрудников, наиболее полезных на новом участке работы. В их число попал и Никита Колаев. Колаева срочно отозвали из Германии, и встреча с Артузовым произошла на окраине Москвы, в Кожевнном переулке, в небольшом четырехэтажном домике на конспиративной квартире.

Диван с фигурной спинкой и круглыми откидными валиками, круглый стол и пара венских стульев, закрытые плотными гардинами окна, этажерка с книгами и буфет с посудой, рюмками и бутылками – это то, что видели непосвященные. Особо доверенные знали, что в кухне, за посудным шкафом, есть дверь, соединяющая 2 квартиры. Причем соседняя квартира имела выход не только через другой подъезд, но и через черный ход.

- Ну, здравствуй, Никита, – приветствовал шеф разведчика.
- Здравствуйте, товарищ корпусной комиссар. – вытянувшись, ответил Колаев.
- Да не тянись ты, Никита. Давай поговорим.
- Я готов, Артур Христианович.

– Я теперь служу в армии. Ты продолжаешь работать со мной, но теперь ты не чекист, а военнослужащий. По моим понятиям ты полковник, по армейским законам – рядовой. Это влияет на твою зарплату, но я буду тебя продвигать с максимально возможной скоростью. А теперь внимательно слушай. Отправишься прямо сейчас в Харбин. Место знакомое, – Никита кивнул головой, до Германии он два года работал нелегалом в Харбине – тебе и карты в руки. Цель: сбор информации о белоэмигрантских бандах, ведущих активную работу против СССР. Ты – не разоблаченный своевременно эсер, террорист, руководитель одной из многих подпольных организаций по борьбе с большевиками Денисов Олег Михайлович. Организация провалена, ты ушел случайно. Просто повезло. Билет на Харбин купил за полчаса до отхода поезда. Почему Харбин? Да в расписании тебе на глаза попался именно этот поезд.

В «Правде» будет публикация, где напишут, что ты не уйдешь от наказания. Японские контрразведчики и жандармы – люди умные и осторожные, на слово не верят, им подтверждения нужны. Вот и будет тебе легализация через «Правду». Там займешься знакомством с местными антисоветскими организациями с целью вступить в одну из них и продолжить борьбу. Организаций там много, но они разобщены, работы там тебе – край немеряный. Связники каждый раз будут новые. Они будут знать тебя в лицо и передавать тебе фразу, в которой я буду

³ РККА – рабоче-крестьянская Красная армия

сообщать об известном только нам двоим событии. Экстренные сообщения отдавай местному начальнику НКВД. Кстати, ему пойдет бумага от Ягоды⁴ о личном, и только личном оказании тебе необходимой помощи. На акклиматизацию, вхождение в доверие и прочее даю тебе время до конца года. Как понимаешь, командировка длительная. Ты у нас только что из Германии, конспиративное имя тебе дадим Баварец. Годится?

– Пойдет. Красивая страна. Что ни город – картинка. Можно отправляться, Артур Христианович?

– Да, конечно. Зайди в отдел, там готовы все документы для тебя и пакет с советскими рублями и американскими долларами.

– До свидания, Артур Христианович.

– Будь здоров, Никита. Удачи тебе.

Когда Никита взялся за дверную ручку, Артур Христианович вдруг подошел сзади, положил руку ему на плечо и сказал: «В стране началась охота на ведьм, и ты на острие. В СССР не возвращайся, погибнешь. Прощай, Никита, я для тебя сделал все, что мог»

15 дней пути новоиспеченный Олег Денисов в блаженстве путешествовал. На КВжд уже было беспокойно и поток пассажиров ослабел, а за незначительную мзду проводник не подсел в купе ни одного попутчика на все 2 недели пути.

Информацию о политической ситуации в СССР, о жизни и обстановке в советской России Олег получал одностороннюю, то есть из немецких источников. Такова судьба всех разведчиков: видеть Родину глазами врага. Ежедневно Денисов выходил на станции, покупал свежие газеты и читал, читал... Изучал Родину изнутри.

Поезд прибыл в Харбин с трехчасовым опозданием, что совершенно не омрачило настроение пассажиров. Олег попросил проводника прислать ему в вагон носильщика и, взяв в руку коричневый кожаный портфель, указал носильщику на два огромных чемодана. Все-таки ехал в Китай на несколько лет.

Остановился в гостинице «Харбор», в полутора километрах от вокзала. Конечно, далеко не мюнхенские отели, но терпимо. Холодная, горячая вода есть, цепочка на бачке имеется, свет горит, ресторан внизу. Распаковав чемоданы, Олег Денисов принял душ, переделся и пошел побродить по знакомым местам.

Утром Денисов отправился напрямик к комиссару госбезопасности, возглавлявшему управление НКВД по Китайской Восточной железной дороге, чтобы представиться, узнать из первых рук политический расклад в Харбине. Прикрытие для японцев было железным: вновь прибывший из СССР пошел в местное управление безопасности зарегистрироваться.

Разговор прошел, как говорится, в теплой дружеской обстановке. Во время беседы Олегу подали чай с лимоном, но попить его он не успел. Полнейшей неожиданностью стал резкий удар в левую скулу, от которого Денисов упал вместе со стулом.

«Сволочь, сука, мразь белогвардейская. – два удара сапогом в голову – Провести меня задумали? Не на того напали! – удар сапогом по ребрам – Никифоров!» В комнату вошел мрачный лейтенант двухметрового роста и равнодушно спросил:

– Что надо?

⁴ Г.Г.Ягода – народный комиссар внутренних дел, глава управления государственной безопасности (1934—1936)

– Вот видишь эту падлу недобитую? – сильный удар сапогом в живот, казалось, должен был устранить несправедливость и добить лежащего на полу.

– Не слепой, вижу. Исправить?

– Сначала попытай: кто таков и кем прислан. А потом к стенке.

Последних слов Олег не слышал. Сознание отключило его от действительности и дало возможность организму побороться за выживание.

– А чё натворил? – меланхолично спросил верзила

– Он тут начал плести что-то про нашего наркома, про политическую обстановку. Совсем за дурака меня держат. Я как фамилию его услышал, тут же вспомнил статью в позавчерашней «Правде». Его заочно приговорили к высшей мере.

– Сделаю, товарищ комиссар госбезопасности. – добавив нотку уважительности произнес лейтенант. – Но теперь уж опосля обеда, больно сильно вы его приложили. Мычать будет – ничего не поймешь.

– Ладно, иди работай.

Расстроенный таким отношением к себе, комиссар уселся на прежнее место за столом и потребовал заменить остывший чай на горячий. Когда вошел порученец с бумагами в руках, комиссар уже несколько остыл.

– Товарищ комиссар, газеты и спецпакет, вчера с курьерской почтой московским поездом прибыл.

– Давай сюда пакет.

Вскрыв пакет и достав из него бумагу, комиссар одеревенел. Присланным специальным курьером письмом комиссару госбезопасности предписывалось лично принять Денисова Олега Михайловича, переговорить на конспиративной квартире, оказывать любую помощь, информацию о нем не разглашать и в его дела не соваться. Подписал самолично Генрих Григорьевич Ягода.

Порученец, на свою голову, продолжал стоять, ожидая команды «свободен».

– Сука, тварь, сгною, вот этой рукой – он попытался поднять руку, но она не слушалась – расстреляю. Когда пакет получил?

– Вчера со скорым из Москвы приехал.

– Какого же хрена ты мне вчера его не принес?

– Так Вас, товарищ комиссар госбезопасности, после обеда не было, а с утра Вы с этим бандитом в кабинете были. Там написано сов. секретно и адресовано Вам. Я не мог при нем войти в кабинет.

– Пошел вон! Если что, ты у меня во врагах народа окажешься.

Спустив пар, комиссар почувствовал, что мышцы понемногу отходят. Пошевелил ругой, ногой, потянулся, встал, сел. Задумался.

– Никифоров!

– Туточки я – вошел хмурый лейтенант.

– Что там с задержанным? Ты допрашивал его?

– Никак нет, мы же договорились, что после обеда.

– Слава тебе Господи. Немедленно привести в чувство, посадить в коляску и довести до гостиницы.

– Ну, я пошел.

– Свободен. – Комиссар закурил и глубоко задумался. В общем-то, дураком он не был и думать умел, но очень уж в трудное положение попал. Потихоньку картинка начала складываться.

Гость скорее всего из разведки. Ладно, с этим ясно. А вот кому он будет жаловаться? Вряд ли самому наркому Ягоде. Но от этого не легче. Нарком мужик крутого нрава, на его письмо не наплюешь. Что же делать? Думай голова, думай, придумаешь – шапку куплю. Так, курьер и Денисов прибыли одним поездом, а значит, вчера я ничего не знал о нем. Это плюс. Белогвардейцы и фашисты злобствуют. Разведчик мог не доехать до гостиницы. Есть! Придумал!

– Никифоров!

– Так он задержанного повез – ответил вошедший порученец.

– Появится – немедленно ко мне.

Минут через сорок Никифоров вошел в кабинет и доложил:

– Туточки я.

– Вот что, он сейчас кляuzu настроит. Сделай так, чтобы он не донес ее никуда.

– Я Ермилова отправлю – не задумываясь ответил лейтенант – он мастак на эти штучки.

Приезжий-то сегодня точно отлеживаться будет, а ночью Ермилов и наведается к нему.

– Ну и ладно. – Комиссар облегченно вздохнул. Решение созрело правильное.

Ничего не понимающий Олег Денисов поднялся к себе в номер и отправился в ванную отмокать. Одежда была в крови, лицо распухло, но багрового оттенка пока не приобрело – это еще впереди. Башка разламывалась, в животе будто крючком зацепили что-то важное и тянут изо всей силы, в глазах двоилось и слегка тошнило. Видимо, пока был без сознания, к голове еще не раз приложились. Да и по корпусу неплохо прошли сапогами. Придется отлежаться пару дней. Одев чистое белье, Олег отдал горничной рубаху и брюки, взял томик с рассказами запрещенного в СССР Бабеля и лег в постель. До вечера было еще далеко, но шевелиться было больно.

К ночи Олег оклемался, проделал ряд физических упражнений, заказал из ресторана в номер легкий ужин и бутылку итальянского ликера – сахар хорошо восстанавливает силы. Днем удалось выспаться, и сон не шел. Ликер расслабил, но полностью дневное напряжение нервов не снял.

В замке входной двери очень аккуратно начали ковыряться. Который был час, Олег не знал, но еще не рассвело, хотя он чувствовал, что большая часть ночи прошла. Самое бандитское время. Рука сама скользнула в тумбочку и обхватила рукоять финки НКВД⁵. Одеяло было отброшено в сторону, и Олег остался на постели в одних трусах.

Замок, наконец, шелкнул, и дверь, слабо скрипнув, начала открываться. Появилась полоска света из коридора и крадущаяся тень человека. Легкими неслышными шагами размытая тень двинулась в сторону кровати, все более и более приобретая очертания человеческой фигуры. Оружия в руках не было. Значит, душитель, решил Олег. Ничего, главное, не будет стрелять с расстояния.

⁵ Изготавливалась под Златоустом, являлась копией финского ножа, но с доработкой, облегчающей скрытое ношение.

Но в последний момент Олег чуть не прозевал неуловимое движение, которым фигура выхватила стилет и отвела руку назад для удара. Не будь этого лишнего движения рукой, Олег бы получил удар стилетом, а так он успел сделать полный оборот вокруг своей оси. Стиллет вонзился в постель, в то самое место, где только что была грудь Олега. Подогнув колени к груди, Олег с силой выпрямил их и направил удар в сторону убийцы. Человек отлетел в сторону, а Олег вскочил, уселся сверху, обжав коленями его руки и принялся финкой щекотать тому горло.

– Кто послал? Что надо?

– Да пошел ты на ..., тебя, гниду, все равно прикончат.

– Ого, это интересно. Знакомые интонации. Да ты, братец, никак из конторы.

– Я с тобой, тварь, говорить не буду, а убить меня ты не посмеешь, за мной сила стоит.

– Мне твоя сила пофигу. Вы не знаете с кем связались. А развязывать языки я умею лучше вас. Меня этому профессионалы учили, а тебя пьянь подзаборная учила только по ребрам бить.

Олег перенес финку к правому глазу убийцы и начал плавно на нее давить. Под нижним веком образовалась капелька крови. Денисов чувствовал, что надолго этого удальца не хватит, так и произошло.

– Стой, стой, не надо. Меня Никифоров послал.

– Кто такой Никифоров?

– Лейтенант госбезопасности, правая рука начальника управления НКВД. Ты понимаешь, что тебе конец? Я помогу тебе бежать, не дави больше на нож.

Олег убрал финку и сказал: «Встал и ушел. Быстро!!!»

Убийца не стал дожидаться повторного предложения, ретировался мигом. Олег закурил и подошел к окну. Сквозь стекло чернела вода Сунгари, становившаяся коричневой при дневном свете. Кое-где горели фонари, одинокий извозчик прокатил в подрессоренной коляске в поисках ранних клиентов. «Так ведь все складывается как нельзя лучше – решил Денисов – Видимо, комиссар уже после моего убийства из застенка получил депешу от Ягоды. Прекрасно, он не знает, кто я, на этом и сыграем. Вот теперь надо идти к комиссару с утра пораньше».

В 9 утра Олег Михайлович Денисов вошел в приемную начальника управления НКВД по КВжд. Мрачный лейтенант открыл рот, как будто желал что-то произнести, да так и застыл. Олег про себя усмехнулся и, кивком головы показав на дверь начальника, спросил? «У себя?». Лейтенант икнул и кивнул головой. Денисов, грубым ударом ноги распахнув дверь в кабинет, вошел и рявкнул: «Встать!» Комиссар от неожиданности вскочил и вытянулся – сказала привычка к грубым окрикам начальства.

– Ты что же, сволочь, зарезать меня хотел и списать на бандитов? Не вышло и не выйдет, не тот у тебя уровень подготовки. Но я тебя, падаль, не трону, и ни твоему ни своему шефу сообщать не буду. Ты внимательно прочитал письмо? Знаешь, что надо делать? Сейчас закрываешь меня в камеру. Через час демонстративно отпускаешь и посылаешь за мной самую неопытную наружку, чтобы везде, где могли – светились. Своим объяснишь, чтобы не смели трогать, мол, надо выявить мои связи. Больше со мной в контакт не вступай, через месяц вообще забудь про меня.

– Слушаюсь – как-то само собой вырвалось у ополоумевшего начальника управления. Олег неизмеримо далеко нарушил свои полномочия, но, верно выбранные интонации привели

к нужному результату. Облажавшийся комиссар не стал уточнять вопросы субординации. Главнее по ранжиру был, конечно же, он. Тем не менее проговорил:

– Все сделаю. И вот еще, не держите зла на меня. Те, кто Вас отправлял, не продумали до конца легенду, вот и подставили и Вас и меня.

– Ладно, проехали.

– Спасибо, до свидания – комиссар протянул руку Денисову

– Да уж лучше прощайте, товарищ комиссар госбезопасности. – Денисов ответил на пожатие.

Из 12 лет работы в разведке Никита Колаев, он же Олег Денисов, 7 лет пробыл нелегалом. А это значит, что он каждый день, каждый час находился на грани расшифровки и ареста. Олег ни разу не переступил эту грань, но как ему это удавалось, знал только он один. Иногда начальство, иногда и он сам просили главное руководство дать отдых измочаленным нервам разведчика. Родина же в ответ требовала: надо, побудь еще, ты нужен, потерпи. И он терпел. Бесконечные перевоплощения удавались ему блестяще: чопорный немецкий барон, пехотный немецкий офицер, прошедший мировую войну, французский журналист и прочая, и прочая. Он знал манеры и повадки как божьих, так и финансово-промышленных кругов, был своим парнем в ночных кабаках и среди портовых грузчиков. Свободно изъяснялся на немецком, французском, итальянском языках, хуже – на английском и китайском.

Он был достойным учеником своего начальника, ибо по своему оперативному мастерству Артур Христианович Артузов до конца жизни не имел равных среди разведчиков всего мира.

Сейчас Денисову предстояло изобразить пострадавшего от чекистов и ужасно обиженного на них за это. Первым делом он отправился в китайскую больницу в травматологию, где все его болячки обработали, подвесили левую руку на уровне груди, зафиксировали сотрясение мозга и, как положено, известили о произошедшем городское управление полиции.

Вечером Олег Денисов прошелся по Диагональной, заходя в различные забегаловки и съедая где пирожок, где бутерброд с ветчиной, а где и кусочек жирной рыбы, чтобы вечером подольше не пьянеть. К концу прогулки он был сыт и решил, что пора идти в ресторан, разыгрывать спектакль. Там он подсел за столик, где уже молча ужинали трое, заказал бутылку коньяка, легкий овощной салат и изобразил сцену: «напился до посинения». Ему хорошо удавалось симулировать пьяных. К концу вечера по крайней мере семь человек в ресторане, не считая obsługi, знали о беспределе местного управления НКВД. Утром следующего дня Олег отправился в полицию, где написал заявление о побоях в застенках и изъятии у него документов. Оттуда прямым ходом в городскую управу для решения вопроса о предоставлении политического убежища и принятии китайского гражданства. Процесс легализации был запущен.

А через неделю, выйдя из отеля, Денисов услышал за спиной голос, от которого захотелось развернуться и вбить в глотку комиссарские зубы: «Не оборачивайся. Иди в Линейный поселок, это небольшой район за 2-ой Деповской улицей, найдешь двухквартирный дом номер 41. Заселяйся в первую квартиру. Там жил домовладелец Баскаков Павел Павлович, которого мы вчера со всей семьей принудительно отправили в СССР. Представись родственным Баскакова и живи себе. Китайцы не тронут. Вторую квартиру снимает довольно безобидная семья». Так Олег Денисов стал соседом Мартына Фокина.

Ближе к вечеру, когда июньское солнце не так шпарило, группа «соратников» собралась на берегу Сунгари. Расположившись здесь на выброшенных ящиках, компания подростков

занялась решением стратегически важной задачи: когда бить стекла в магазине Вилькицкого. Мнения разделились, и начался спор. Часть «соратников» во главе с командиром Севкой Никитиным настаивала на проведении акции днем и в фашистской форме. Евреи должны понимать, что это не хулиганство, а политическая акция. Большинство же не желало «светиться» и настаивало на ночном битье стекол.

Спор зашел в тупик и в возникшей паузе Иван Фокин спросил:

– Ребята, а за что вы евреев не любите?

– Они, Ванечка, Христа распяли. – ответил один из них.

– Сказки это. Ваша Библия все врёт. На самом деле человек произошел от обезьяны. Это доказанный факт, нам в школе это четко рассказали.

– Вот ты и будешь у нас Обезьяной. – озорно крикнул Игнат, шестерка Никитина – Парни! Ваньку Фокина теперь зовем Обезьяной. Это его партийная кличка.

Иван побелел от злости, зашел за спину обидчика, положил руку ему на шею и надавил большим и указательным пальцами на нужные точки. Игнат от боли медленно опустился на колени и униженно согнутый застыл, не в силах сопротивляться.

– А теперь слушать сюда! – еще не окрепший голос Ивана звенел от напряжения – Если хоть один при мне скажет слово обезьяна, я этого придурка – Иван глазами повел в сторону Игната – зарежу. Если он кому насолил, тот смело может подойти ко мне и сказать: «Обезьяна». И этому гаду не жить. – Иван упер свободный указательный палец в макушку обидчика.

Судя по всему, Игнат проникся серьезностью ситуации, прикинул вероятность того, что найдется желающий проверить Ванькины слова, и его штаны намочили, под коленями образовалась лужа. Дружный хохот разрядил обстановку, а Иван произнес: «Все, он свое получил, теперь резать буду не его, а того, кто забудет мое настоящее имя».

Севка подошел к Ивану, положил руку ему на плечо и сказал: «Уважаю. И поддерживаю. – Он обвел взглядом всю компанию и, повысив голос, продолжил – Чтобы все знали: Ванька наш, и я на его стороне»

На этом конфликт был исчерпан, а Никитин решил прояснить ситуацию: «Похоже, не все знают за что мы боремся, если приплетают сюда Христа ни к селу, ни к городу. Цель наша – установление демократической власти в России путем уничтожения большевиков. А евреям мы мстим за то, что они устроили в России революцию и привели к власти бандита Сталина. Причем в каждой стране они пытаются стать во главе и за это их никто не любит. Муссолини в Италии сумел победить их. За ним в Германии пришел к власти Гитлер, который тоже объявил войну евреям. Сталин обязан евреям своему приходу к власти, тем не менее расстрелял тех, кто сделал революцию. Так что мы ничего не придумали. Мы следуем мировым путем. Но, повторяю, это не главная наша цель. Вилькицкому не повезло, что он неправильной национальности, но тут ничего не попишешь. Просто его очередь вставлять новые стекла. Он за других расплачивается, за тех, кто отнял у нас Родину»

Иван в задумчивости тер пальцами ухо. Потом встрепенулся: «Сева, а как же мне быть? В классе со мной учатся шесть евреев и все они отличные пацаны. Они никому не делают зла. И Родину у меня они не отнимали. Я родился в Маньчжурии и отнимут ее у меня скорее японцы, чем евреи. И вот я не понимаю».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.